

С.К. Севастьянова*

**ДИССЕРТАЦИЯ ПРОТОИЕРЕЯ Х.К. МАКСИМОВА
«ПАТРИАРХ НИКОН В ЛИТЕРАТУРНОЙ БОРЬБЕ
С ПАИСИЕМ ЛИГАРИДОМ» И ЕЕ ВКЛАД
В ИЗУЧЕНИЕ «ВОЗРАЖЕНИЯ» ПАТРИАРХА НИКОНА****doi:10.31518/2618-9100-2024-2-2
УДК 821.161.1*Выходные данные для цитирования:**Севастьянова С.К. Диссертация протоиерея Х.К. Максимова «Патриарх Никон в литературной борьбе с Паисием Лигаридом» и ее вклад в изучение «Возражения» патриарха Никона // Исторический курьер. 2024. № 2 (34). С. 26–37. URL: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-2-02.pdf>*

S.K. Sevastyanova*

**ARCHPRIEST H.K. MAKSIMOV'S DISSERTATION
"PATRIARCH NICON IN THE LITERARY STRUGGLE WITH
PAISIUS LIGARIDES" AND HER CONTRIBUTION TO THE
STUDY OF PATRIARCH NICON'S "OBJECTION"****

doi:10.31518/2618-9100-2024-2-2

*How to cite:**Sevastyanova S.K. Archpriest H.K. Maksimov's Dissertation "Patriarch Nicon in the Literary Struggle with Paisius Ligarides" and Her Contribution to the Study of Patriarch Nicon's "Objection" // Historical Courier, 2024, No. 2 (34), pp. 26–37. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-2-02.pdf>]*

Abstract. The article for the first time analyzes the content of Archpriest Khristofor Konstantinovich Maximov (1851–1938) candidate's thesis, devoted to the study of one of the key narratives in the "case" of Patriarch Nicon (1652–1666; † 1681) – "Objection" of the disgraced Moscow high priest against boyar Simeon Lukyanovich Streshnev questions about Nicon and the responses to them by Paisius Ligarides, Metropolitan of Gaza, in August 1662. The research part of the article is preceded by a biographical note about Archpriest Maximov, whose name was never mentioned in connection with the scientific historical and philological projects carried out in the second half of the 19th century at the Moscow Theological Academy, including those devoted to the polemical and literary journalistic works of Patriarch Nicon and Paisius Ligarides. The tasks of the young researcher, the sources of the dissertation, Maximov's level of mastery of contemporary historiography of the topic, and the methods of studying the main polemical work of Patriarch Nicon by the dissertation author are characterized. The author of the article evaluates the literary techniques of Patriarch Nicon noted by Maximov: speaking and thinking in images of the Holy Scriptures, almost verbatim reproducing fragments of handwritten and printed sources, among which in the first place were the products of the Moscow Printing House of the first half of the 17th century and manuscripts from the Patriarch Nicon cell library in Resurrection New Jerusalem Monastery. Maksimov's contribution to Russian niconology is shown. A conclusion is made about the prospects of a comprehensive study of Patriarch Nicon's "Objection" in the inextricable connection of this work with the question-and-answer essay of Streshnev-Ligarid. The author of the article notes: an interdisciplinary approach based on the achievements and methodology of church historical and theological sciences, hermeneutic study and historical-critical assessment of sources, laid down by Archpriest Maximov's dissertation back in 1877 has not yet been implemented, despite repeated instructions from researchers on the importance of a comprehensive study of the monument.

* **Светлана Климентьевна Севастьянова**, доктор филологических наук, Сибирский институт управления – филиал РАНХиГС, Новосибирск, Россия, e-mail: sevask@mail.ru

Svetlana Klimentyevna Sevastyanova, Doctor of Philology, Siberian Institute of Management – Branch of RANEP, Novosibirsk, Russia, e-mail: sevask@mail.ru

** Исследование выполнено в рамках проекта РФФ № 22-28-00153 «Сочинение Газского митрополита Паисия Лигарида о суде над Патриархом Никоном: перевод и исследование».

The research was carried out as part of the Russian Science Foundation project No. 22-28-00153 "Metropolitan of Gaza Paisius Ligarides' Composition about the Patriarch Nicon's Trial: Translation and Research".

Keywords: Archpriest Khristofor Konstantinovich Maksimov, dissertation “Patriarch Nikon in the literary struggle with Paisius Ligarides”, “Objection” of Patriarch Nikon, russian niconology.

The article has been received by the editor on 13.01.2024. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В статье впервые анализируется содержание кандидатской диссертации протоиерея Христофора Константиновича Максимова (1851–1938), посвященной исследованию одного из ключевых нарративов в «деле» патриарха Никона (1652–1666; † 1681) – «Возражения» московского первосвященника против вопросов боярина Симеона Лукьяновича Стрешнева о Никоне и ответов на них Газского митрополита Паисия Лигарида в августе 1662 г. Исследовательская часть статьи предваряется биографической справкой о протоиерее Максимове, чье имя никогда не упоминалось в связи с научными историко-филологическими проектами, осуществляемыми во второй половине XIX в. в Московской духовной академии, в том числе посвященными полемическим и литературно-публицистическим сочинениям патриарха Никона и Паисия Лигарида. Характеризуются задачи молодого исследователя, источники диссертации, уровень владения Максимовым современной ему историографией темы, способы изучения автором диссертации главного полемического произведения патриарха Никона. Автор статьи оцениваются отмеченные Максимовым литературные приемы патриарха Никона: говорить и мыслить образами Священного Писания, почти дословно воспроизводить фрагменты рукописных и печатных источников, среди которых на первом месте находилась продукция Московского печатного Двора первой половины XVII в. и манускрипты из келейной патриарха Никона и монастырской библиотек в Воскресенской Ново-Иерусалимской обители. Показан вклад Максимова в отечественное никоноведение. Сделан вывод о перспективности комплексного исследования «Возражения» патриарха Никона в неразрывной связи этого произведения с вопросоответным сочинением Стрешнева-Лигарида. Автор статьи отмечает: междисциплинарный подход, базирующийся на достижениях и методологии церковно-исторической и богословской наук, герменевтическом изучении и историко-критической оценке источников, заложенный диссертацией протоиерея Максимова еще в 1877 г., до сих пор не реализован, несмотря на неоднократные указания исследователей на важность всестороннего изучения памятника.

Ключевые слова: протоиерей Христофор Константинович Максимов, диссертация «Патриарх Никон в литературной борьбе с Паисием Лигаридом», «Возражение» патриарха Никона, отечественное никоноведение.

Статья поступила в редакцию 13.01.2024 г.

Введение. Личность протоиерея Христофора Константиновича Максимова попала в поле нашего зрения в процессе поиска автора перевода заключительной, третьей части книги о суде над патриархом Никоном, написанной Газским митрополитом Паисием Лигаридом (1610–1678) в начале 1667 г. Этот знаменитый церковный деятель приехал в Россию весной 1662 г. в самый разгар конфликта царя Алексея Михайловича с оставившим в 1658 г. первосвященническую кафедру патриархом Никоном. В вопросе о приоритете власти Лигарид принял сторону московского правителя и стал, пожалуй, самым активным организатором церковного собора, в декабре 1666 г. вынесшего обвинительный приговор опальному патриарху. По просьбе Алексея Михайловича Паисий Лигарид фиксировал содержание судебных

заседаний, и эти записи легли в основу книги Лигарида. Известно, что две первые части произведения Газского митрополита переведены с греческого языка на русский в середине XIX в., как полагал Б.Л. Фонкич, православным духовным писателем и историком церкви А.Н. Муравьевым (1806–1974). Борис Львович установил и источник переложения: ГИМ. Синодальное собр. греч. № 409 (1674–1675) – это греческая рукопись, по просьбе Муравьева к Александрийскому патриарху Иерофею II Сифниоту († 1858) доставленная в Россию в 1855 г.¹ Не углубляясь в содержание этой небесспорной гипотезы, отметим, что три списка русского перевода первых двух частей книги Лигарида с многочисленными редакторскими правками и читательскими пометами хранятся в собраниях рукописей Московской духовной академии (далее – МДА) и датируются второй половиной 1850-х гг.²

Что касается русского перевода третьей части произведения Лигарида, то его единственный экземпляр находится в архиве Санкт-Петербургского института истории РАН³. Манускрипт представляет собой сшитые в тетради листы разного размера – примерно в четвертую долю, без переплета и обложки. По штемпелю на бумаге первые два раздела сочинения Лигарида датируются 60–70-ми гг. XIX в. Здесь текст написан аккуратной писарской скорописью светло-коричневыми чернилами. Третья часть, озаглавленная «Исторія Собора 1666 года Паисія Лигарида»⁴, выполнена другим почерком – крупным и размашистым, почти черными чернилами, на бумаге без штемпелей и водяных знаков, меньшего размера и яркости. На полях цифрами с латинской буквой «р.» обозначены листы источника копирования. Им, как оказалось, был изданный британским богословом и историком У. Палмером (1811–1879) его перевод книги Лигарида на английский язык по Синодальной рукописи и копии с нее, изготовленной в Египте⁵.

Результаты исследования.

Краткие биографические сведения о Х.К. Максимове. В описаниях фонда В.Н. Бенешевича в СПБ ИИ РАН отмечено, что рукопись под № 8 принадлежала преподавателю Саратовской духовной семинарии Христофору Константиновичу Максиму. Краткие биографические сведения о владельце манускрипта мы обнаружили на сайте открытой православной энциклопедии⁶. Отец Христофор известен в истории Русской православной церкви как борец с расколом и антисектантский миссионер. Он родился в Курской губернии в 1851 г. По окончании в 1873 г. Воронежской духовной семинарии поступил в МДА, где в 1877 г. подготовил кандидатскую диссертацию «Патриарх Никон в литературной борьбе с Паисием Лигаридом» – НИОР РГБ. Ф. 172 (МДА. Архив). К. 297. № 6. 562 л.⁷ Собирая материал для исследования, Максимов сделал объемные выписки из «дела Никона»⁸, которые 9 декабря 1880 г. отправил в Петербург в «дар» некоему адресату, именуемому им «Ваше Высокопреосвященство Милостивейший Архипастырь»⁹. Вероятно, с работой над диссертацией связан и перевод заключительной части книги Лигарида, осуществленный после 1873 г., когда том изданных Палмером материалов о патриархе Никоне увидел свет, до 1877 г., когда Максимовым завершено научное сочинение.

¹ Фонкич Б.Л. Греческие рукописи А.Н. Муравьева // Археографический ежегодник за 1984 г. М., 1986. С. 242–244.

² Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ). Ф. 173.IV (МДА). № 64 и 69; Ф. 172 (МДА. Архив). К. 491. № 22.

³ Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук (СПБ ИИ РАН). Ф. 261 (Бумаги В.Н. Бенешевича). Оп. 1. Д. 8. XIX в. Л. 123–239.

⁴ Здесь и далее цитаты из рукописных источников даны в орфографии оригинала, но с современной пунктуацией.

⁵ Palmer W. The Patriarch and the Tsar. London, 1873. Vol. 3. P. 199–311, 463–465.

⁶ Максимов Христофор Константинович // Древо: открытая православная энциклопедия. URL: <https://drevo-info.ru/articles/13680454.html> (дата обращения: 01.01.2024). Ряд указанных здесь дат и фактов требует подтверждения.

⁷ В дальнейшем ссылки на листы диссертации Х.К. Максимова указаны в круглых скобках после цитат.

⁸ СПБ ИИ РАН. Ф. 261. Оп. 1. Д. 7.

⁹ Медведев И.П. Материалы по теме «Греки и Россия в XVI–XVII вв.» в архивах русских византистов С.-Петербурга // Славяне и их соседи. Греческий и славянский мир в Средние века и раннее Новое время (Тезисы XIII конференции). М., 1994. С. 74.

В 1877 г. отец Христофор направлен преподавателем церковной истории и учения о расколе в Саратовскую духовную семинарию. А спустя четыре года он вновь в МДА на кафедре русского раскола старообрядчества. В начале 1880-х гг. Христофор Константинович рукоположен в сан священника и в 1883 г. упоминается как клирик московского Архангельского собора, в 1890 г. – как священник, а в 1917 г. – как третий священник Богородице-Рождественской церкви в Бутырской слободе, в которой прослужил до ее закрытия в 1935 г. В 1904 г. Максимов возведен в сан протоиерея. 1 сентября 1918 г. арестован отделом по борьбе с контрреволюцией ВЧК и заключен в Бутырскую тюрьму. В апреле следующего года освобожден по амнистии. Скончался 28 октября 1938 г.

Отец Христофор – автор многочисленных миссионерских трудов и проектов по реорганизации церковно-приходского образования, ряд их указан в интернет-статье. Эти работы, как и заметки о Никоне, и диссертация Максимова, не привлекали внимание исследователей. Чтобы восполнить пробел, обратимся к этому последнему научному сочинению Христофора Константиновича.

Обстоятельства написания диссертации. В современной гуманитаристике вопрос о специальном изучении «Возражения» патриарха Никона ставился не раз (В.С. Румянцевой, Г.М. Зеленской, Д.Ф. Полозневым, В.В. Шмидтом, Н.В. Воробьевой, С.К. Севастьяновой и др.), однако исследование, посвященное этому главному полемическому произведению московского первосвятителя, до сих пор не появилось. Диссертация Максимова – пока единственное научное произведение о самом объемном (почти тысяча листов рукописного текста в четвертую долю листа) и сложном по содержанию памятнике русской публицистики второй половины XVII в.

Предложение написать кандидатскую диссертацию поступило Максиму от профессора МДА П.С. Казанского (1819–1878). В письме 1880 г. адресату в Санкт-Петербурге отец Христофор признавался: «По указанию покойного профессора П.С. Казанского я для кандидатского сочинения избрал тему о “Патриархе Никоне в литературной борьбе его с Паисием Лигаридом”»¹⁰. Известно, что в духовных академиях XIX в. кандидатская диссертация предшествовала магистерской работе, выполняемой, как правило, на выпускном, четвертом курсе, и зачастую служила для нее основанием. Научный руководитель Максимова – превосходный историк, но со слабым здоровьем, которое в год завершения Христофором Константиновичем диссертации было подорвано известием о смерти архиепископа Платона (Фивейского), родного брата Казанского, приблизившим кончину Петра Симоновича¹¹. Насколько высоко была оценена диссертация Максимова и была ли она успешной – неизвестно: пока мы не обнаружили рецензию на это кандидатское сочинение, текст которой, согласно постановлению Святейшего Синода от 25 мая 1875 г., обязательно включался в протокол заседаний Совета академии¹². Но у качества и объема исследования Максимова могли быть препятствия: например, болезнь и кончина научного руководителя, «недостаток времени у Излагателя» (л. 356). Кроме того, название диссертации, обозначающее скорее филологический профиль работы, не соответствовало богословской направленности, усиления которой требовали реформа духовных академий и новый Устав 1869 г., с введением которого совпало обучение Максимова в МДА. Известно, что в апреле 1874 г. во время ревизии академии митрополитом Макарием (Булгаковым), тогда еще архиепископом Литовским и Виленским (в 1868–1879), выяснилось, что среди тем кандидатских и магистерских диссертаций мало относящихся к богословию, и «вольности» преподавателей, осуществляющих научное руководство, как замечал владыка, «дезориентируют студентов» и не позволяют авторам «доказывать богословские познания»¹³. Заметим, что в упомянутой монографии Н.Ю. Суховой о высшей духовной школе в России второй половины XIX в.

¹⁰ Медведев И.П. Материалы по теме «Греки и Россия в XVI–XVII вв.»... С. 74.

¹¹ Богданова Т.А. Казанский Петр Симонович // Православная энциклопедия. М., 2012. Т. 29. С. 268–273.

¹² Сухова Н.Ю. Высшая духовная школа: проблемы и реформы (вторая половина XIX в.). М., 2006. С. 282.

¹³ Там же. С. 281.

среди обучающихся, которые выделялись в то время успехами в научной работе, Максимов не упоминается.

Рукопись диссертации отца Христофора составная: в одном переплете находятся исполненные разными руками черновой и белой экземпляры из двух частей – теоретической, которую сам автор называет «предварительными замѣчаніями», и практической. Эта вторая часть работы представляет собой выстроенные в порядке следования друг за другом выписки из «Возражения» Никона и сочинения оппонентов патриарха – вопросов об опальном первосвятителе боярина С.Л. Стрешнева и ответов на них Газского митрополита Паисия Лигарида. Вступительный раздел диссертации содержит, выражаясь современной терминологией, формулировку актуальности, постановку задач, а также описание и датировку источников, изложение правил публикации фрагментов из них, краткие выводы. Остановимся на задачах диссертанта и охарактеризуем степень их реализации.

Оценка выполнения поставленных в диссертационном исследовании задач.

1. «Возражение» в контексте письменного наследия патриарха Никона.

По мнению Максимова, «Возражение» заслуживает изучения в первую очередь как один из источников по «делу Никона», «первоначальнѣйшій, или главнѣйшій, или единственный», содержащий противоположную известным документам о суде над опальным патриархом точку зрения на актуальный во все времена вопрос – о власти, «о взаимномъ отношеніи Священства и Царства». «Поэтому опытъ столь отчетливаго, съ такою силою выраженного рѣшенія его <...> помимо историческаго значенія и интереса, какъ памятника извѣстной личности и эпохи, можетъ и должно имѣть // значеніе и интересъ само по себѣ, по своимъ внутреннимъ достоинствамъ — и для временъ послѣдующихъ» (л. 349 об.–350).

«Возражение», называемое Максимовым «обличительно-апологетическим» сочинением, рассматривается не изолированно, а как органичная часть обширного литературно-публицистического творчества московского патриарха. Судя по примечаниям, отцу Христофору были известны многие сочинения первосвятителя: две окружные грамоты по современным исследователю публикациям – о моровой язве и Крестном монастыре, сборник «Рай мысленный» (1659), поучение священному чину и причетникам¹⁴ и епистолярный по изданиям XIX в. «Во всѣхъ сихъ граматахъ // и посланіяхъ, – замечал Максимов, – Патриархъ Никонъ высказывалъ тѣ же мысли съ тѣми же болѣе или менѣе основаніями, какія высказаны въ Возраж.; но, во-первыхъ, онъ выражалъ ихъ кратко, выставялъ только нѣкоторыя основанія, а въ послѣднихъ – все это является въ полномъ видѣ, со всесторонними доказательствами» (л. 361–361 об.). Упомянув о «собственныхъ литературныхъ трудахъ» Никона как едином авторском комплексе времени его патриаршества, Максимов видел в московском первосвятителе неординарного автора со своей стилистикой и оригинальными приемами, помогающими исследователю осмыслить и объективно оценить «обвиненія, предположенія и недоумѣнія съ ихъ основаніями, которыя возникли противъ автора – Патриарха // вслѣдствіе извѣстнаго, 10-го Юля 1658 г. начавшагося и 12 Декабря 1666 г. такъ печально окончившагося, дѣла автора – Патриарха съ Царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ» (л. 347–347 об.).

На фоне хорошо известных отечественной науке сочинений Никона «Возражение» – знаковое для письменного наследия полемиста, выделяется, как заметил Максимов, малой изученностью. Диссертант указывает на единственное издание фрагмента памятника – 26-е возражение, осуществленное В.И. Ламанским¹⁵, и две публикации – С.М. Соловьева¹⁶ и протоиерея С.В. Михайловского¹⁷, содержащие извлечения из этой главы. Именно поэтому одной из задач диссертации становится «основательное и подробное знакомство съ содержаніемъ» «Возражения»: «Авторъ представитъ читателю, по возможности, всѣ доводы

¹⁴ «Поучен. Свящ. Чину и причетникамъ остается неизданнымъ. Рукоп. Царск., Опис. Стр. 1848 г. стр. 814, № 31» (л. 360 об.); текст документа изд.: Лобачев С.В. Патриарх Никон. СПб., 2003. С. 372–375.

¹⁵ Мнения патриарха Никона об уложении и проч. (Из ответов боярину Стрешневу) // Записки Отделения русской и славянской археологии Имп. русского археологического общества. СПб., 1861. Т. 2. С. 423–497.

¹⁶ «Краткія извлеченія въ XI т. Истор. Росс. г-на Соловьева. 1861 г. Стр. 320–321» (л. 363).

¹⁷ «...въ полной біографіи Патриарха Свящ. Михайловскаго. 1863 г. т. III стр. 1 и д.» (л. 363).

и мысли Возражателя съ ихъ основаніями. Поелику, далѣе, извѣстное определенное значеніе извѣстной отдѣльной мысли или ряда ихъ, усиленіе или ослабленіе этого значенія обусловливается сочетаніемъ этой мысли с другими, послѣдующими и предъидущими, то мы въ своемъ изложеніи послѣдовательность теченія мыслей Возражателя и ихъ связь оставимъ нетронутыми, представимъ ее читателю такъ, какъ она есть въ подлинникѣ <...> слѣдовательно, изложеніе наше должно представить, такъ сказать, точную копию Возраженій; наша цѣль по возможности замѣнить читателю // чтеніе и пользование самимъ подлинникомъ Возраженій. Въ него буквально войдутъ почти всѣ тѣ мѣста, которыя собственно принадлежатъ самому Возражателю» (л. 351, 351 об.–352).

Приобретая теоретический опыт, Максимов изучает широкий круг печатных и рукописных источников о разворачивавшихся вокруг патриарха Никона событиях. Знакомится с неизданной статьей В.М. Ундольского о Соборном уложении¹⁸, тщательно работает с «делом Никона» и составляет конспекты источников. Изучает сочинения оппонентов Никона¹⁹ и материалы об истории старообрядчества²⁰, исследование Н.И. Субботина о «деле Никона»²¹. Штудирует жизнеописание Никона, составленное клириком патриарха Иоанном Шушериным, и русский перевод книги о суде над Никоном Газского митрополита Паисия Лигарида, хранящийся в библиотеке МДА²². Отработанный диссертантом довольно внушительный объем нарративного материала показывает его глубокое погружение в тему патриарха Никона. Не ограничивая научный интерес литературным творчеством первосвятителя, Максимов реализовал тему Никона в виде комплексного церковно-исторического исследования деяний патриарха на фоне идейной борьбы второй половины XVII в., когда актуализировался и остро встал вопрос о священстве и царстве. Такой, можно сказать, новаторский подход к изучению персоны Святейшего Патриарха и его программного сочинения – «Возражения» в отечественной гуманитарной науке был предпринят впервые.

2. Реконструкция текста вопроса-ответного произведения Стрешнева-Лигарида.

Произведение, на которое патриарх Никон отреагировал своим «Возражением», – вопросы боярина С.Л. Стрешнева и ответы на них Паисия Лигарида, как отметил Максимов, совершенно неизвестно историкам и мало распространено в рукописной традиции (л. 354). Отец Христофор заметил, что патриарх Никон воспроизводит вопросы-ответы неточно и фрагментарно, иногда меняя местами, поэтому «знакомство // въ ихъ подлинномъ и полномъ видѣ, – писал Максимов, – кажется намъ, необходимо для произведенія приговора о достоинствѣ самыхъ Возраженій» (л. 353 об.–354).

Из пяти известных диссертанту рукописей «Возражения»²³ в качестве базового текста привлечен список из библиотеки МДА²⁴; сегодня это манускрипт: НИОР РГБ. Ф. 579 (Брат-

¹⁸ «Извлеченіе изъ того же Возражен. было приговл. В. Ундольск., въ особой статьѣ, но не было напечатано и хранится въ М. П. Р. Муз. Смол. рукоп. Ундольск. Приб. стр. 58» (л. 363).

¹⁹ «Лѣтописи Русской Литерат. Тихонравова. Т. V, стр. 153–178. (Обличеніе на Никона Патриарха). Это разборъ на посланіе Патриарха Никона Паисію Лигариду (см. ниже), писанное 1662 г. до 12 Іюля» (л. 362 об.).

²⁰ «Смол. «Братск. Слова» 1875 г. Книга 1-я. Отд. 1 Стр. 23–25, 37–38, 41–51, 52–61, 162 и друг. (Послан. Авв. къ Нерон., Послан. Нерон. къ Царю, Спорн. Рѣчи Нерон. съ П. Никономъ, 2 посл. Нерон. къ Цар., Записки о жизни Неронов.). Книга II, стр. 176–177 (Челоб. Нерон. объ избраніи пріемн. П. Никон.), 181–189 (2 челоб. его же), 234–237 (Челоб. Нер. Всел. Патр.) <...> Описан. раскольн. сочин. Александр Б. 1861 г. Ч. I. Стр. 185–190. 11–12. 125–130. Ч. II. стр. 4–5» (л. 362 об., 363).

²¹ «Сравн. Дѣл. Пат. Ник. Субб. стр. 5–6–7» (л. 362 об.).

²² «Сочиненіе Паисія Лигарида о Соборѣ 1666 г. Перев. съ Греческ. Рукоп. Моск. Д. Ак. Гл. XV» (л. 360 об.).

²³ «Другіе, во всемъ сходные съ Акад., экземпляры Возраж. въ Воскрес. Монаст. два, № “174” Академіи Наукъ, № въ Новгор. Софійск., въ Пуб. Румянц. Муз. снимокъ съ Воскресен. и, кромѣ того, кратк. извлеченіе. См. Опис. Рук. Ундольско//го № “417”; стр. 290» (л. 364–364 об.).

²⁴ «Возраженія Патриарха Никона изложены нами по Рук. М.Д. Ак., составляющей часть рукописнаго сборника о Патриархѣ Никонѣ. Сборникъ этотъ, заключающій въ себѣ житіе Патриарха Никона Н.К. Шушерина, уставъ Воскресенскаго монастыря, Возраженія, разрѣшительныя грамоты Восточныхъ Патриарховъ, посланія Патриарха Никона къ Константинопольскому Патриарху Діонисію, къ Паисію Лигариду, нѣкоторыя отрывки изъ “дѣла” Патриарха Никона и, наконецъ, описаніе чудотвореній, совершившихся при гробницѣ Великаго Іерарха, принадлежалъ первоначально, какъ гласитъ подпись по нижнимъ начальнымъ листамъ, Пучесскому Воскресенскому Пушавинскому монастырю, куда вкладомъ положенъ онъ по благословенію Новгородскаго

ство св. Петра). № 10. Сборник. 1°. Начало XVIII в. Л. 88–305 об. Предварительные текстологические наблюдения, сделанные над 16 известными нам списками «Возражения» конца XVII – конца XIX вв., обнаружили в выбранной Максимовым рукописи утраты текста разного объема, в том числе и в цитируемых Никоном вопросах-ответах Стрешнева-Лигарида. Выбирая рукопись, Максимов не учел важность для историко-филологического исследования критического отношения к источнику и остановился на дефектном списке, тем самым принизив качество своей работы и поставив под сомнение ее научную достоверность.

Следует заметить, что в бытность Максимова слушателем МДА применению исторического метода в гуманитарных исследованиях обучали преподаватели-историки на специальных занятиях для старшекурсников. Так, в 1875–1877 гг. профессор В.О. Ключевский на семинарах-практикумах, организовывая со студентами работу с источниками по русской истории, объяснял структуру научного исследования, демонстрировал на практике суть критического подхода к нарративному материалу, оценки его достоверности, особенностей и формулировки выводов. А архимандрит Михаил (Лузин) активно привлекал студентов к научно-переводческому труду – сложному и кропотливому, но полезному делу «пересаживания», как он сам выражался, «западной науки – католической и протестантской – на почву русского Православия»²⁵. Именно тогда первыми магистрантами – выпускниками академии были подготовлены блестящие научные исследования с применением исторического подхода: например, в 1874 г. Н.Ф. Каптеревым, чья книга о светских архиерейских чиновниках на основе магистерской диссертации до сих пор не утратила своего значения.

Что касается вопросов-ответов Стрешнева-Лигарида, то в качестве подлинного источника Максимов привлек список «по рукописи Сборника XVII в., писаннаго въ Польской Руси и принадлежащаго нынѣ Московскому Публичному Музею» (л. 355 об.). Исследователям этот манускрипт давно известен²⁶: РГБ НИОР Ф. 256 (Н.П. Румянцев). № 376. Сборник. 4°. 277 л. Кон. XVII в. Л. 264–273. Отец Христофор исправил в нем «ихъ грубыя грамматическія ошибки, и между прочимъ знаки препинанія», восполнил «нѣкоторые пропуски и под., ибо только въ исправленномъ видѣ читатель можетъ безъ труда и болѣе или менѣе отчетливо выразумѣть ихъ содержаніе» (л. 355 об., 354 об.), но в списке остались места с неясным содержанием. Мы установили, что румянцевская копия восходит к протографу русского перевода латинских вопросов-ответов и имеет множество «своих» особенностей, сильно отдаливших ее от текста первоначального перевода. Создавая «идеальный» исправленный нарратив, Максимов делал его доступным для чтения и осмысления любым читателем. Реализация такой, можно сказать, популяризаторской идеи требовала, скорее, не текстологической точности, а текстуальной полноты и ясности восприятия.

Текст изучаемых источников диссертант ограничил в объеме: из 27 возражений, на которые патриарх Никон ответил, исключена глава 26. Она занимает половину произведения Никона и является в нем ключевой, содержащей мнение патриарха о Соборном уложении 1649 г. и церковно-государственных отношениях. Ограничение объема привело к недостаточной глубине и широте осмысления диссертантом общей концепции патриарха Никона о соотношении светской и духовной власти в России. Апологетические, отличающиеся искренним желанием молодого исследователя подвести к поступкам московского первосвященника канонические основания, но слабо убедительные, порой очень поверх-

Митрополита, Иова чрезъ посредство казначея его, Феодосія въ 1736 г. Въ концѣ устава Воскресенскаго Монастыря, на полѣ, постороннею рукою сдѣлана приписка: “Книга сія писана послѣ Святыишаго Патріарха Никона 33 лѣтъ”, т.е. слѣдовательно, въ 1714 г.; такъ-какъ кончина Патріарха послѣдовала въ 1681 г. Если этой припискѣ усвоивать достовѣрность, къ чему по соображенію времени вклада книги въ Пучесской Воскресенскій Монастырь и самой формы письма, и не представляется, кажется, препятствій, // то такое опредѣленіе времени написанья можетъ быть относимо не къ одному Уставу, но и къ Возраженіямъ; такъ-какъ они принадлежать одной и той же рукѣ» (л. 355–355 об.).

²⁵ Сухова Н.Ю. Высшая духовная школа... С. 309.

²⁶ Список указан А.И. Соболевским как автограф Евфимия Чудовского (*Соболевский А.И.* Переводная литература Московской Руси XIV–XVII вв. СПб., 1903. С. 354), что ошибочно (*Фонкич Б.Л.* Греческое книгописание в России в XVII в. // Книжные центры Древней Руси. XVII в.: Разные аспекты исследования. СПб., 1994. С. 34, сн. 57).

ностные и прямолинейно-декларативные умозаключения Максимова вряд ли могли соперничать с устойчивым критическим мнением о личности, деяниях и высказываниях патриарха Никона, которое имели преподаватели МДА – С.М. Соловьев, Н.И. Субботин, Н.Ф. Каптерев, митр. Макарий (Булгаков), попавшие под влияние произведений Лигарида. Познакомившись в академической библиотеке с русским переводом книги Газского митрополита о суде над Никонем, упомянутые историки, судя по карандашным пометам и комментариям в трех списках из книгохранилища МДА и их исследованиям о патриархе Никоне, восприняли этот источник по «делу» Никона как исторический документ и как беспристрастную хронологию церковного собора 1666 г., составленную очевидцем.

Рукописный материал Максимов расположил в определенной последовательности: «...мы нашли весьма умѣстнымъ самая Возраженія предварить изложеніемъ Вопросовъ и Отвѣтовъ такъ, чтобы эти три члена – Вопросъ, Отвѣтъ и Возраженіе противъ нихъ составляли какъ бы нѣкоторое законченное – цѣлое, которое и заключено нами каждое въ особомъ, его содержащемъ, § параграфѣ, и весь рядъ Возраженій съ соответствующими имъ Вопросами и Отвѣтами такимъ образомъ расположился въ видѣ ряда §§» (л. 354). Но такая искусственно выстроенная коммуникативная модель не позволяла решить обозначенную в названии диссертации проблему о «литературной борьбе» патриарха Никона с Газским митрополитом. Ведь «борьбу» как раз и можно увидеть в точечной реакции полемиста на конкретные высказывания оппонента, в применении определенных литературных приемов и выборе аргументов, в ссылках на авторитеты и подборе цитат. Созданная же Максимовым конструкция, внешне воспроизводящая «нѣкоторое» «цѣлое», реализовывала популяризаторскую цель, связанную с доступностью для широкого читателя документов по «делу Никона», но ставила под сомнение решение главной научной проблемы диссертационной работы о выявлении авторских – патриарха Никона и его оппонентов – литературных приемов ведения спора.

Подобную компиляцию находим и в современных научных работах: издавая текст «Возражения» по списку из Российского государственного архива древних актов – Ф. 27 (Тайный приказ). Д. 140. Ч. 4. Л. 2–1039 об., каждую главу оригинального текста «Возражения» В.В. Шмидт предварил фрагментами вопросов-ответов Стрешнева-Лигарида²⁷. При такой микшированной подаче произведения патриарха Никона не только нарушилась аутентичность авторского текста (как Никона, так и его оппонентов), но и произошло задвоение «чужого» материала в «Возражении», ведь выписки из сочинения оппонентов, сделанные полемистом, в нем остались. На наш взгляд, именно аккуратное вычленение фрагментов вопросов-ответов позволит определить границы заимствований и способы внедрения их в авторский текст, выявить особенности влияния этих гетерогенных тематических блоков на выбор патриархом конкретных литературных приемов. Такая работа, возможно, позволит внести коррективы в устоявшееся в современной науке представление о Никоне-книжнике и традиционалисте²⁸ и заговорить о нем как о неординарном полемисте со своей системой аргументации, убеждающей или опровергающей мнение партнера по коммуникации манерой. Дело в том, что литературная уникальность «Возражения» и индивидуальность авторского полемического самовыражения раскрываются лишь при сравнении трактата Никона с сочинением Стрешнева-Лигарида. Благодаря вопросам-ответам – литературному «триггеру», «Возражение» обрело форму и композицию, свой неповторимый стиль и способы подачи материала, тематику и риторику аргументации. Именно вопросы-ответы спровоцировали слияние в контексте «Возражения» традиций полемики, спора, дискуссии и прения, предполагающих определенное словесное и невербальное (своеобразно выражаемое и на письме) поведение диспутанта. Более того, выбор патриархом Никонем определенных литературных приемов для «Возражения» отразил тенденции в развитии русской культуры второй половины XVII в., где в полемическом дискурсе тесно

²⁷ Никон, патриарх. Труды. М., 2004. С. 197–462.

²⁸ Каравашкин А.В. Русская публицистика XVII в. (патриарх Никон как традиционалист) // Вестник РГГУ. Сер.: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2018. № 11 (44). С. 81–91.

переплетались и взаимно обогащались древнерусское ораторское искусство, ученый диспут, традиции межконфессиональной полемики.

3. Источники «Возражения» и работа с ними патриарха Никона. Пожалуй, самая важная задача исследования «Возражения», обозначенная Максимовым, – отделение авторского голоса от многочисленных цитат и реминисценций. «Эти заимствования имѣютъ существенное значеніе для силы и доказательности Возраженія, что въ особенности должно сказать о правилахъ Церкви и текстахъ Священнаго Писанія. При томъ, Патріархъ Никонъ приводитъ ихъ не только какъ подтвержденіе своей мысли, но иногда онъ собственно говорить ими т.е. вмѣсто употребленія для выраженія своей мысли, своихъ же словъ онъ пользуется для этой цѣли Священнымъ текстомъ или Церковнымъ правиломъ» (л. 352). Решению этой задачи посвящено приложение к диссертации. Донорские тексты выявляются только в тексте патриарха и располагаются после выстроенной Максимовым компиляции. Приведем пример.

Вопрос III. Подобаеть ли архіерею или іерею во время облаченія чесать волосы и, облачившись, смотрѣться въ зеркало. Все тое извычанье «чиниль Никонъ».

Отвѣтъ. Не подобаеть; женское убо то есть и неприлично мірскимъ мужемъ, а наипаче священникомъ, которые должны тогда молиться, и не въ зеркало глядѣть, – и украшать душу свою, а не лица. Слугѣ Божію не подобаеть въ зеркало смотрѣться не только въ церкви, но и въ келліи; но пусть лучше уготовить себя страху Божію и да имѣеть совѣсть свою чистою, яко не скверно зеркало Божіе. Поэтому не похваляемъ Патріарха и лучше // было бы, если бы онъ дѣлалъ это въ своей келліи.

Возраженіе. Глаголеши убо, яко не лѣтъ есть архіереемъ украшати въ божеств. службѣ. А между тѣмъ древній законъ повелѣвалъ Моисею не только украсить Аарона и сыновъ его въ славу и честь ихъ драгоценными одеждами, но и предъ дверми храма свѣдѣнія помазать елеемъ, измыть водою и т.п.¹⁾ И потомъ Господь Иисусъ Христосъ во время поста повелѣваетъ помазать елеемъ главу свою и лице свое умыть водою, а не помрачать лица, дабы не явиться челоуѣкомъ постыжимся.²⁾

«А яже зеркала, устройшася прежде насъ бывшими патріархи: Св. Іовомъ и прочими, ниже мы разоряемъ. И вси тожде творять, – и которое то беззаконіе, гдѣ есть писано, скажите ми?»

Правда, VII-й Вс. Соб. 16 пр. запрещаетъ священникомъ украшаться свѣтлыми ризами (внѣ церкви и службы) и помазываться благовонными мазями³⁾; «Но сіе подобаеть всѣмъ исправить, еже нынѣ, брится не по правилу сему».

1.) Букв. Исходъ XXVIII, 40–41. XXIX, 4–5, 7. (Въ рукоп. указ. одна послѣдняя глава).

2.) Букв. Матф. 17 = VI, 16–17.

3.) Безъ т. букв. впол. = л. 215. По переводу въ книгѣ прав., напр., 1839 г. правило это изложено несравненно // полнѣе и опредѣленнѣе, и направлено противъ роскоши и щегольства одежды клириковъ (л. 32 об.–33 об.).

Определяя заимствования, Максимов устанавливает их объем, отмечает особенности внедрения в авторский текст. Однако не все «чужие» слова были опознаны диссертантом: часто в комментариях и примечаниях можно видеть пустые строки. Проанализировав комментарии исследователя, мы очертили круг источников, на которые он обратил внимание в первую очередь. Это книги Священного Писания; издания Московского печатного двора времени патриарха Никона: Кормчая (1653), Скрижаль (1655–1656), Триодъ постная (1656); принадлежащая Никону рукопись «Известия» о начале патриаршества в России; сочинения отцов церкви, обозначенные самим патриархом (свт. Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоуста), реконструированы как по рукописным источникам, так и по изданиям XIX в. Текст «Возражения» в приложении к диссертации подвергся «разложению» на авторский – патриарха Никона и «чужой» – заимствования из рукописных и печатных книг. Составляя примечания к главам «Возражения» и в редких случаях комментируя

сделанные Никоном текстовые извлечения, Максимов оценивал отдельные поступки патриарха Никона.

Осмысляя работу Максимова с позиций современной науки, можно охарактеризовать ее как попытку выявить генетический уровень текста патриарха Никона, укоренного в символику и образность Священного Писания, святоотеческое наследие и церковное законодательство, духовную культуру России и Византии, историю Вселенского православия и Московского патриаршества. В этом смысле отца Христофора можно назвать предшественником русского историка М.В. Зызыкина, в своем фундаментальном труде о патриархе Никоне осмыслившего мировоззрение московского первосвятителя в контексте апостольской и святоотеческой традиции и раскрывшего содержание «Возражения» на огромном источниковом материале, к сожалению, до сих пор в полном объеме не освоенном исследователями²⁹.

Работа Максимова с источниками «Возражения» предвосхищает и исследование блестящих ученых – историка Г.В. Вернадского и филолога В.А. Туминой, издавших в 1982 г. ленинградский список, в комментариях к тексту которого (почти три тысячи!) они определили многие заимствования из московских и киевских изданий, а также из доступных им рукописных книг³⁰. Однако работа с источниками «Возражения» еще далека от завершения, поскольку требует досконального изучения и привлечения богатейшего собрания Воскресенской Ново-Иерусалимской библиотеки, с манускриптами которой ни Максимов, ни упомянутые наши ученые соотечественники не работали.

Выводы. Кандидатская диссертация Христофора Константиновича Максимова соответствовала научной проблематике МДА, где, судя по документам архива этого образовательного учреждения, темы, связанные с изучением личности патриарха Никона и его деяний, были в приоритете. По содержанию и приемам работы с источниковым материалом можно судить о состоянии науки в академии. Современные Максиму достижения богословской и гуманитарных наук, соединение в комментариях к литературно-полемическому тексту методологических возможностей богословия, филологии, церковной истории и церковного законодательства, самостоятельность выводов и желание диссертанта ввести в научный оборот малоизвестные памятники русской публицистики и новые нарративы по «делу Никона» – все это не только отражает активизацию научно-практической деятельности преподавателей и студентов МДА, повышение уровня их научных исследований как реакцию на реформу духовного образования во второй половине XIX в., но и свидетельствует о стремительном развитии русской исторической науки и о становлении богословия как науки.

«Возражение» патриарха Никона впервые в отечественной науке стало предметом специального исследования и рассматривалось в кандидатской диссертации Максимова как часть обширного письменного наследия Никона, в котором, по заключению диссертанта, с разной полнотой раскрывался один из важнейших вопросов второй половины XVII в. в России – о власти светской и церковной. Судя по объему освоенного Христофором Константиновичем нарративного материала, «Возражение» изучалось им всесторонне как произведение, содержащее авторскую позицию, последовательно отстаиваемую на широком источниковом материале, на церковно-канонических, исторических и литературных источниках.

Несмотря на не всегда удачные решения диссертанта и не вполне проработанные вопросы (например, привлечение для определения качества и границ цитирования не современных патриарху Никону источников, правка Максиминым авторского текста, использование в качестве базовых текстов случайных списков, слабая критическая оценка источников и многое другое), идею Максимова разделить «Возражение» на авторские «голоса» можно назвать смелой и передовой. И, несомненно, перспективной. Научная работа Максимова является пока единственной, где предпринята попытка всестороннего изучения памятника

²⁹ Зызыкин М.В. Патриарх Никон: его государственные и канонические идеи. Варшава, 1931–1939. Т. 1–3.

³⁰ Patriarch Nikon on Church and State: Nikon's "Refutation". Berlin; New York; Amsterdam, 1982. P. 679–772.

на фоне идейной борьбы второй половины XVII в. А предпринятый диссертантом анализ содержания «Возражения» как мощно аргументированной позиции полемиста предвосхитил работы отечественных ученых, утверждавших глубокую начитанность Никона в святых отцах и превосходное знание им Священного Писания, прекрасную ориентированность патриарха в церковном и светском законодательстве. Заслуга Максимова состоит в обосновании важности комплексного исследования и объективного восприятия содержания «Возражения» – ключевого в литературно-публицистическом творчестве патриарха Никона и важнейшего в русской полемической культуре XVII в. произведения.

Литература

Богданова Т.А. Казанский Петр Симонович // Православная энциклопедия. М.: ЦНЦ «ПЭ», 2012. Т. 29. С. 268–273.

Зызыкин М.В. Патриарх Никон: его государственные и канонические идеи. Варшава: Синодальная тип., 1931–1939. Т. 1–3. 327, 384, 365 с.

Каравашкин А.В. Русская публицистика XVII в. (патриарх Никон как традиционалист) // Вестник РГГУ. Сер.: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2018. № 11 (44). С. 81–91.

Лобачев С.В. Патриарх Никон. СПб.: Искусство, 2003. 416 с.

Максимов Христофор Константинович // Древо: открытая православная энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: <https://drevo-info.ru/articles/13680454.html> (дата обращения: 01.01.2024).

Медведев И.П. Материалы по теме «Греки и Россия в XVI–XVII вв.» в архивах русских византистов С.-Петербурга // Славяне и их соседи. Греческий и славянский мир в Средние века и раннее Новое время (Тезисы XIII конференции). М.: Ин-т славяноведения и балканистики РАН, 1994. С. 73–76.

Мнения патриарха Никона об уложении и проч. (Из ответов боярину Стрешневу) // Записки Отделения русской и славянской археологии Императорского русского археологического общества. СПб.: тип. И. Огризко, 1861. Т. 2. С. 423–497.

Никон, патриарх. Труды / Научное исследование, подготовка документов к изданию, составление и общая редакция В.В. Шмидта. М.: Изд-во МГУ, 2004. 1300 с.

Соболевский А.И. Переводная литература Московской Руси XIV–XVII вв.: Библиографические материалы. СПб.: тип. Императорской Академии Наук, 1903. 484 с.

Сухова Н.Ю. Высшая духовная школа: проблемы и реформы (вторая половина XIX в.). М.: Изд-во ПСТГУ, 2006. 658 с.

Фонкич Б.Л. Греческие рукописи А.Н. Муравьева // Археографический ежегодник за 1984 г. М.: Наука, 1986. С. 235–246.

Фонкич Б.Л. Греческое книгописание в России в XVII в. // Книжные центры Древней Руси. XVII в.: Разные аспекты исследования. СПб.: Наука, 1994. С. 18–63.

Palmer W. The Patriarch and the Tsar. London, Trübner and Co, 8 & 60 Paternoster Row; Oxford, Parker & Co.; Cambridge, Macmillan; St. Peterburg, A. Münx; Berlin, Schneider & Co., Unter Den Linden, 1873. Vol. 3. 635 p.

Patriarch Nikon on Church and State: Nikon's "Refutation" / Edited, with introduction and notes by Valerie A. Tumins and George Vernadsky. Berlin; New York; Amsterdam: Mouton Publishers, 1982. 808 p.

References

Bogdanova, T.A. (2012). Kazanskiy Petr Simonovich [Kazansky Pyotr Simonovich]. In *Pravoslavnyaya entsiklopediya*. Moscow, TsNTs "PE". Vol. 29, pp. 268–273.

Fonkich, B.L. (1986). Grecheskie rukopisi A.N. Murav'eva [Greek Manuscripts by A.N. Muravyov]. In *Arkheograficheskiy ezhegodnik za 1984 g.* Moscow, Nauka, pp. 235–246.

Fonkich, B.L. (1994). Grecheskoe knigopisanie v Rossii v XVII v. [Greek Book Writing in Russia in the 17th Century]. In *Knizhnye tsenry Drevney Rusi. XVII v.: Raznye aspekty issledovaniya*. St. Petersburg, Nauka, pp. 18–63.

Karavashkin, A.V. (2018). Russkaya publitsistika XVII v. (patriarkh Nikon kak traditsionalist) [Russian Journalism of the 17th Century (Patriarch Nikon as a Traditionalist)]. In *Vestnik RGGU. Seriya: Istoriya. Filologiya. Kul'turologiya. Vostokovedenie*. No. 11 (44), pp. 81–91.

Lobachev, S.V. (2003). *Patriarkh Nikon* [Patriarch Nikon]. St. Petersburg, Iskusstvo. 416 p.

Maksimov Khristofor Konstantinovich [Maksimov Khristofor Konstantinovich]. In *Drevo: otkrytaya pravoslavnaya ehntsiklopediya*. Available at: URL: <https://drevo-info.ru/articles/13680454.html> (date of accessed 01.01.2024).

Medvedev, I.P. (1994). Materialy po teme “Greki i Rossiya v XVI–XVII vv.” v arkhivakh russkikh vizantinistov S.-Peterburga [Materials on the Topic “Greeks and Russia in the 16th–17th Centuries” in the Archives of Russian Byzantinists in St. Petersburg]. In *Slavyane i ikh sosedi. Grecheskiy i slavyanskiy mir v Srednie veka i rannee Novoe vremya (Tezisy XIII konferentsii)*. Moscow, Institut slavyanovedeniya i balkanistiki RAN, pp. 73–76.

(1861). Mneniya Patriarkha Nikona ob ulozhenii i proch. (Iz otvetov boyarinu Streshnevu) [Patriarch Nikon's Opinions on the Code, etc. (From Answers to Boyar Streshnev)]. In *Zapiski Otdeleniya russkoy i slavyanskoy arkheologii Imperatorskogo russkogo arkheologicheskogo obshchestva*. St. Petersburg, tip. I. Ogrizko. Vol. 2, pp. 423–497.

Nikon, patriarkh (2004). *Trudy* [Works]. Nauchnoe issledovanie, podgotovka dokumentov k izdaniyu, sostavlenie i obshchaya redaktsiya V.V. Shmidta. Moscow, izdatel'stvo MGU. 1300 p.

Palmer, W. (1873). *The Patriarch and the Tsar*. London, Trübner and Co., 8 & 60 Paternoster Row; Oxford, Parker & Co; Cambridge, Macmillan; St. Peterburg, A. Münx; Berlin, Schneider & Co., Unter Den Linden. Vol. 3. 635 p.

Sobolevskiy, A.I. (1903). *Perevodnaya literatura Moskovskoy Rusi XIV–XVII vv.: Bibliograficheskie materialy* [Translated Literature of Muscovite Rus' of the 16th–17th Centuries: Bibliographic Materials]. St. Petersburg, tip. Imp. AN. 484 p.

Sukhova, N.Yu. (2006). *Vyshshaya dukhovnaya shkola: problemy i reformy (vtoraya polovina XIX v.)* [Higher Theological School: Problems and Reforms (Second Half of the 19th Century)]. Moscow, izdatel'stvo PSTGU. 658 p.

Tumins, V.A., Vernadsky, G. (Eds.). (1982). *Patriarch Nikon on Church and State: Nikon's "Refutation"*. Berlin, New York, Amsterdam, Mouton Publishers. 808 p.

Zyzykin, M.V. (1931–1939). *Patriarkh Nikon: ego gosudarstvennye i kanonicheskie idei* [Patriarch Nikon: His State and Canonical Ideas]. Varshava, Sinodal'naya tip. Vol. 1–3. 327, 384, 365 p.